



Нина ЯГОДИНЦЕВА

ДЛЯ ТЕХ, КТО НА ЭТОМ КРАЮ – И НА ТОМ...

Нина Александровна Ягодинцева родилась в Магнитогорске. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Кандидат культурологии, профессор Челябинского государственного института культуры, секретарь Союза писателей России. Автор более 30 изданий: стихов, цикла учебников литературного творчества, монографий, вышедших в России и Германии, электронной книги литературной критики, переводов с азербайджанского и башкирского языков, аудиодисков со стихами и песнями, — а также более 700 публикаций в литературной и научной периодике России, Испании и США. Лауреат Всероссийских и Международных премий в области литературы и литературной критики, художественного перевода, научных исследований и творческой педагогики. Живёт в Челябинске.

Когда в распахнутый закат,
В Господень улей
Два белых ангела летят
В тревожном гуле,

Глубоко в небе выводя
Две параллели:
Финал растраченного дня,
Конец апреля, —

Тысячелетняя тоска
Любви и света
Бьёт прямо в сердце, как река
О парапеты.

Венецианская вода
Бессмертной жажды
Нам отвечает: никогда! —
На все «однажды...»

И сердце плещется не в такт —
Ладони ранит,
И всё обманчиво, да так,
Что не обманет.

А что случится — и знать не надо:
Ковид, предательство, слом

эпох...

В медвежьей нежности снегопада
Неровен выдох и жаден вдох.

Полотна ветра проносят мимо —
И кажется, всё: не вернуть назад
Ни хлеба запах, ни запах дыма,
Ни роз таинственный аромат.

Идёшь, дыханье с трудом
вплавляя
Во встречный холод, белёный
мрак —
Ни зги не видно, и жизнь былая
Тебе не может помочь никак.

Но то и счастье, что путь
неведом,
Но то и свет, что в твоей груди,
И снегопадище прёт медведем
И тоже не знает, куда идти.

В нём тоже музыка живёт —
Искрою волчьего оскала
Порой блеснёт тоска такая,
Что долго-долго сердце жжёт.

Кого обманываем мы,
Себя на правду обрекая?
Полётов лёгкие лекала
Лежат на мягкой ткани тьмы.

В нём тоже музыка! Дотла
Сгорая в каждой новой страсти,
Она уже почти несчастье —
Но слава Богу, что была

И возвращается опять,
Но с каждым разом больше
пепла.

Мне кажется, она ослепла,
Ведь музыка не может лгать...

В нём только музыка! И ей,
Ведомой, ведомо и зримо,
Как в тишине проходит мимо
Глухая вереница дней...

Бывают встречи странные —
без встреч,
Когда саму себя не слышит речь,
Но мимо воли что-то говорится.
Огромные тяжёлые слова
Ворочаются словно жернова,
И пыль на них алмазная
искрится.

И собеседник, не открыв лица,
Идёт с тобой по речи до конца,
Идёт до изумлённого молчания.
Идёт — и ничего не говорит,
И страшно рот обугленный
горит.
Но вы соприкасаетесь плечами —

И то, что прежде нестерпимо
жгло,
Становится спасительно тепло
И жизнеутверждающе прекрасно.
Спадает боль, и остывает пыль,
И ты не знаешь, что ты говорил,
Но пыль в горячем воздухе —
алмазна...

В вечерней маршрутке прекрасны
усталые лица.
За тёмным стеклом неподвижная
улица длится.
Мобильник звонит, и слова
приглушённо-неловки.
Сутулое время стоит на чужой
остановке.

И снова лица его я разглядеть
 не успела —
Пока у кого-то мобильная
 песенка пела,
Пока доставали её из глухого
 кармана,
Маршрутка скользнула
 под ниткою меридиана.

Какое-то странное тайное
 благословенье —
Случайная близость дыханья
 и прикосновенье!
Мы все в одиночку прошли
 лабиринтами улиц —
Но вот собрались и плечами
 соприкоснулись...

Казалось бы, в тёмную
 коронабесную пору
Теряет душа равновесие, свет
 и опору,
И тянутся новости к горлу,
 убить угрожая, —
Но как вы прекрасны, родные
 мои горожане!

Где солнце? — в ледяных цепях.
 Но мы весну затеяли!
Март, забелённый второпях
 последними метелями,
Теплеет тайно, изнутри,
 глубинным жаром полнится...
Гори, волнуйся, говори,
 высокая бессонница!

Ручей твоих бессвязных слов
 проточит русло исподволь.
О, как рифмуется любовь
 с твоей тоской неистойвой —

Быть, трепетать, повелевать
 и постигать смирение...
И время перебеливать
 в зелёный и сиреневый...

Живи в своём невинном лепете,
 а потаённого не трогай!
Они взлетели, гуси-лебеди,
 по-над рекой, по-над дорогой,
Они взлетели и заплакали,
 они взлетели и запели
Над площадями и над плахами,
 над белой хусткою метели.

Когда б ты знала, понимала бы
 небесный голос безответный,
Свои бесхитростные жалобы
 в него вплела бы алой лентой
И по неведомой беде-вине,
 непостижимой и поныне,
Всё тосковала бы по родине,
 как птичья стая на чужбине.

О, это русское и женское,
 неодолимое от века —
В тоске неведомой блаженствуя,
 ждать невозможного ответа...
Но вот уже поля оттаяли,
 и небеса в высоком гуле —
И воротились птицы стаями,
 и ленту алую вернули.

Зелёным светом дышит рощица,
 парит разбуженная пашня,
И лента алая полощется,
 и сердцу робкому не страшно —
Пока трепещет словно деревце
 и словно ленточка алеет —
Одной тоской оно удержится,
 одной печалью одолеет.

...И замираешь как будто
впервые:
В воду уходят столбы световые —
В чёрную воду мучительных
дней
Встали литые колонны огней.

Первый снежок ничего
не решает.
Белое пламя над углями шает,
Но неподвижны, как знаки
судьбы,
В чёрной воде световые столбы.

Время справляет жестокую
тризну.
Время жестоко и ныне,
и присно,
Но в отделении света от тьмы
Ежемгновенно участвуем мы.

Искры плывут и дробятся
волнами.
Жизнь — это всё, что случается
с нами,
И остаются потом навсегда
Только Россия, любовь и беда.

Каждое сердце — открытая рана.
Каждый — колонна грядущего
храма,
Каждый на грани любви
и беды —
Свет, пробивающий толщу воды.

Когда у мрачной башни
Вавилонской
Рассветной пробивается полоской
День завтрашний — он так
смертельно ал,
Как будто здесь не раз уже
бывал.

Как будто затупившимся ножом
Прорвали заскорюзлый окоём —
И из прорехи выплеснулось
пламя,
Края её неровные оплавя...

Когда стоит у Вавилонской
башни,
Сомкнув щиты, безумный день
вчерашний,
Зеркальное забрало опустив,
Когда угрюмый каменный
мотив
Выстукивают по брусчатке
берцы, —
В огне зари уже иное сердце
Пульсирует, переплавляя плоть
Земли и неба, как велел Господь.

Когда встаёт над каменной
грудой
День завтрашний, в него
поверить трудно,
И кажется, что он недостижим, —
Но мы уже сегодня в нём
и с ним,
И он для нас сейчас уже реален,
Когда молчит над грудую
развалин.

Май дует на молоко, с блюдечка
тянет свет.
А я и не знала, что так легко
сходит печаль на нет,
Словно с лодочки на причал
навстречу твоей руке...
И я говорю: прощай, печаль,
дальше мне — налегке!

Что там, за маем? Апрель?
Февраль? Август? Обратный
круг?

Сколько слова ни перебирай —
всё происходит вдруг
И прорастает по той канве,
где каждый цветок — звезда,
Где мы с тобой в молодой траве
потеряны навсегда.

А если бы знать... Да не надо
знать — чувствуешь сквознячок?
Печаль снимает свою печать —
и дальше река течёт,
Играя прядями донных трав,
оглаживая песок...
И если кто-то из нас неправ —
подхватит и унесёт.

Мир идёт по кровавой кромке
большой войны,
Ни на миг не отшатываясь назад.
Мы живём, как будто друг другу
мы не нужны.
Словно нам не вместе гасить
этот адский ад.

Ненависть как вино —
обжигаяща и легка,
Пока нельзя ненавидеть
открыто — мы тайно ропщем.
У каждого своя правда —
но это только пока:
Пепелище всё равно будет общим.

Не покачивай плечами —
не за горкою зима...
Ткани ветра и печали нынче
в лавке задарма.
Осыпая лёгкий трепет, хоть
на миг оборотись —
Ну кого зимой согреет этот
призрачный батист?

Мимо леса, мимо города,
и речки, и пруда
Ветер гонит волны холода
неведомо куда.
И уже не встанет прежним
индевелый травостой —
Но над храмом белоснежным
лучик солнца золотой.

А зима в России долго —
дольше жизни иногда.
Тонкой ледяной иголкой
шьётся набело вода,
И, распахивая воздух, словно
двери в новый дом,
Ты стоишь в лучах и звёздах,
в изумленьи золотом...

Кто-то прошёл мимо окон,
шурша плащом,
Светлый лоскут небесный
сорвав плечом.
Ветер? — Наверное, ветер.
Не знаю. Спи.
Кто же ещё бродит зимой
в степи?
Утром выходишь — под окнами
ни следа.
Ночью мело, наверное,
как всегда.
Но только лампа засветится
над столом —
Кто-то опять шуршит по стеклу
крылом.
И завиваются снега за ним, пока
Не успокоится злая его тоска.
.....Ангелы сумерек!
Пепел тяжёлых крыл
Не облетел ещё — может,
и не остыл...

На колени бросает путника
ветер прошлого:
Настигает как волк и толкает
лапами в спину.
Розовея, звенит под ним ледяное
крошево,
И в испуганном сердце
прозрачные иглы стынут.

На колени... Со всею гордыней,
со всем отчаяньем —
То ли был ты царём, то ли это
тебе приснилось?
Смотришь в небо — а небо твоё
отчалило,
Но осталась одна, неизменно
верная милость:

На колени! Слепыми руками
траву обшаривая,
Припадая губами к ней: поцелуя
слаще —
Значит, это земля? Эта горькая
и шершавая
Плоть — единственное,
что настоящее?

Печаль становится блаженством,
Почти спасением, когда
Грядущее небрежным жестом
Бросает свет на провода.

Он мчит над сырým
проспектом,
Собою подводя черту:
Была печаль — и стала светом,
И свет уходит в темноту.

И, осыпаясь лёгким звоном,
Зима летит издалека —

Младенцам, старцам
и влюблённым
Стелить перины-облака...

И тише, тише тайный шёпот
О том, кто сгинет, что грядёт,
Какая ложь холодным шёлком
К ногам под вечер ниспадёт...

Но объясните ж, Бога ради,
Зачем, вступая в свой черёд,
Оценщик в городском ломбарде
Весь этот блеск на вес берёт?

...А скрипочка? Ну разве что
скрепить
Зелёный сквознячок синичьим
свистом,
Блеснуть на солнце мехом
серебристым
И беглым блеском жажду
окропить.

Да, скрипочка! Когда уста солгут,
Когда замрёшь, как тать,
в немом испуге,
Вот — скрепочка: мы не разнимем
руки,
Хотя глаза бесчинствуют и жгут...

Мир милосердной музыкой повит,
Но все кровоточащие разломы
Она соединяет по живому.
Что ж удивляться, коль душа
болит?

И, стягивая рваные края
Той трещины, на дне которой —
пламя,
Наивная, она звенит меж нами,
Не разделённая на «ты» и «я».

Останься — ведь любишь, останься хоть жилкой
Запястья, ручья, — прорасти камышинкой,
Поймай переливчатый воздух весны
На острую вспышку небесной блесны!

Останься, не мучай. Молчаньем, украдкой,
Разжатой ладонью, растрёпанной прядкой,
Тетрадкой — раскрытой, чтоб вырвать листок...
Хотя бы дословно. Хотя бы меж строк.

И даже не трепетом воздуха — крылья
И так осыпаются радужной пылью —
А просто пробелом, горящим мостом
Для тех, кто на этом краю — и на том...

